

О развитии отечественной интероцептивной лингвистики

В статье рассматриваются проблемы теории interoception, как она представлена в современной отечественной лингвистике. Раскрываются значимость и перспективы исследования языка внутрителесных ощущений как нового направления в современной отечественной науке на материале русского языка. Уточняются методологические подходы к сбору материала, постулируется требование учета всего многообразия дискурсивных практик.

Ключевые слова: interoception, тело, метафора, нарратив, боль, болезнь, разговорный русский язык, художественный, научно-популярный, больничный, детский дискурсы.

DOI 10.20339/PhS.2-17.050

Интригующую точку бифуркации как неожиданного ответвления в собственном исследовании обычно порождает оригинальный контекст, «случайно» обнаруженный при вольном, свободном поглощении книг. Однако значительно чаще пусковым механизмом, триггером нового поиска становится чья-либо интересная работа: статья ли, монография, «внезапно» приоткрывшая горизонты малоизученного. Сам термин «внутрителесная, или interoцептивная лингвистика» почерпнут нами из книги А.В. Нагорной «Дискурс невыразимого. Вербалика внутрителесных ощущений» [1]. Отсылаем читателя и к другим публикациям этого исследователя, в том числе [2]. От себя скажем так: именно отмеченной здесь монографии обязаны мы собственным исследовательским интересом к языку сигналов, идущих изнутри тела [3; 4; 5], а также устойчивым стремлением всячески популяризировать новое интереснейшее направление лингвистических научных изысканий [6].

Итак, целью заявленного направления является изучение внутрителесных ощущений на русскоязычном материале, причем материале полидискурсивном. Объект исследования принципиально новым не является. Точнее, пожалуй, интерпретировать его как «старый», известный в мировой лингвистике, но требующий национального русскоязычного переосмысления. Немало публикаций посвящено у нас таким концептам, как БОЛЕЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ, как правило, в сплотке, т.е. в их альтернативном единстве, а также концепту БОЛЬ, см., в частности [7; 8].

Помимо традиционных (контекстуального, компонентного, квантитативного, ассоциативного анализ) методами исследования могут выступать и некоторые более специфические инструментальные

The article deals with a problem of interoception. The importance and perspectives of the research of language of intra-corporal sensations as a relatively new direction of the contemporary Russian linguistics are discovered on the basis of Russian-language material. Some methodological approaches to the collection of the material are specified. The necessity to take into consideration the whole diversity of discursive practices is postulated.

Keywords: interoception, body, metaphor, narrative, pain, illness, Russian-language colloquial, fictional, popular scientific, hospital, childish discourses.

варианты. Так, исследуя детскую речь и больничный дискурс, можно использовать «соотносительное когнитивное моделирование». *Тело – дом, тело – механизм, тело – биологический организм* и др. При систематизации словаря ощущений использовались субдомены, что на порядок эффективнее обычных тематических групп: «орудия», «живые существа» и подобное.

Особенность лингвистики как науки состоит, на наш взгляд, в том, что сам материал может подсказать оптимальные методики его исследования. Так, «прислушаться» к материалу заставляет, в частности, известная теория языковой личности. Зародившаяся в 1980-е годы в трудах Ю.Н. Караулова и получившая новый импульс своего развития во втором десятилетии XXI века [9; 10; 11], применительно к данному направлению эта теория может сработать в плане поиска... идеальных носителей интероцептивной информации. Поясним. В своем окружении среди порядка двадцати лиц с особенно интересной и яркой речью мы обнаружили всего-навсего... двух человек, которые охотно и рельефно повествуют о своих недомоганиях и болезнях. Такие люди могут составить особый слой источников при сборе материала. Приведем всего лишь одно интероцептивное высказывание, содержащее, однако, изысканный прием интертекстуальности. [Лаборантка, 36 л.:] *Как у Понтия Пилата, болит полголовы. У него тоже одна сторона болела, не помню, какая!* (30.05.2016). Разумеется, «языкотворцы» востребованы при разработке и других тем, но для данного направления учтем, во-первых, скрытый, имплицитный характер абсолютного большинства внутрителесных переживаний, а во-вторых, неумение основной массы носителей русского языка (полагаем, не только русского!) рассказывать о сигналах своего тела.

Основные проблемы разработки заявленного направления, на наш взгляд, таковы. Во-первых, необходимо очертить концептосферу внутрителесных переживаний, чтобы концептом БОЛЬ не подменять многообразия других ощущений. Во-вторых, требуется сбор художественных контекстов с метафорами, наглядно обрисовывающими внутрителесные события. В-третьих, необходим исследовательский интерес к научно-популярной литературе медицинского толка. Конечно, такой терминологический «эпитет», как *леденцовая печень*, важен исключительно для патологоанатомов, но другие языковые (терминологические) находки могут представлять интерес и для лингвиста, и для лингвистики в целом.

Место интероцептивного направления просматривается, с одной стороны, в системе перцептивной (или сенсорной) лингвистики, что логично вытекает из телесной природы ощущений как внешних, так и внутренних, т.е. взятых в естественном их комплексе. Однако, с другой стороны, важность (подчас роковая!) внутрителесных ощущений и необходимость развития грамотной (вплоть до диагностической) их интерпретации (*Рука стала ватной, значит сердце!*) допускают дописывание известной эпистемологической триады. Когниция – эмоция – перцепция — эта модель может быть дополнена четвертым, весьма значимым ее компонентом вплоть до получения тетраэдра: когниция – эмоция – перцепция – интероцепция.

Основные постулаты (гипотезы) исследования отчасти продиктованы этноментальным, историко-культурологическим и конфессиональным давлением на носителей русского языка как родного.

Во-первых, это забота о душе при некотором пренебрежении к телу. Можно ли противостоять такой установке? Какими возможностями передачи внутрителесных ощущений уже располагает язык? Какова динамика употребления такой лексики?

Вторым постулатом является дефицит положительных, позитивных телесных переживаний. Какова природа этого дефицита? Мнимый он или реальный?

Третий постулат касается языка телесной интуиции. [Молодая женщина рассказывает о своих занятиях вокалом:] *При занятиях пением усталость не должна быть аварийной!* (дек. 2000). В романе Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» объясняется ситуация, когда беременную женщину тянет на определенный продукт. Подобное желание в Средней Азии имеет специфическое обозначение: *талаш*, и это не что иное, как диктат, интуиция плода, а значит, такое желание всенепременно надо исполнить.

Наконец, четвертый постулат — это изучение языка другого диктанта, уже аутосуггестивного, как вызова внутрителесному сбою: «Человек болеет тогда, когда этого захочет» [12].

Рассмотрим подробнее, что делается сегодня в заявленном направлении, с некоторыми комментариями в порядке критического обзора.

К концу XX века торжество соматических исследований получило интерпретацию своеобразной соматической революции. Парадокс восприятия interoцептивного направления как нового и заключается как раз в том, что, поскольку тело едино, выделять interoцепцию, отрывая ее от перцепции, отделяя внутреннее тело от внешнего, весьма непросто. При обилии, повторим и подчеркнем, работ по лингвосоматике и лингвоперцепции, с чем лично мы столкнулись, работая над монографиями «Обозначения частей тела в поэзии Беллы Ахмадулиной» (М., 2015, соавтор Д.М. Плужникова) и «Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты» (М., 2012), работ не медицинского толка по interoцепции в отличие от зарубежной лингвистики совсем немного.

В научный обиход термин «interoцепция» был введен в 1906 г. английским физиологом Чарльзом Шеррингтоном при описании рецепторов слизистой оболочки пищеварительного тракта. А.В. Нагорная пишет далее о том, что системное исследование феномена interoцепции в нашей стране связано с деятельностью академиков В.Н. Черниговского и К.М. Быкова, которые посвятили значительную часть своих трудов изучению физиологических свойств interoцепторов [1. С. 11]. Исследователь выделяет пять признаков внутреннего тела как антиобъекта: ненаблюдаемость, нестабильность, неконтролируемость, неverifiedируемость и неразделимость [1. С. 12]. Трудность изучения заявленного феномена хорошо сформулировала Джулит Батлер:

«Тело зависит от языка, если оно хочет быть узнанным. Тем не менее, тело отвергает все возможные попытки языка ухватить его суть».

Однако в опровержение цитаты автор монографии приводит замечательное наблюдение Л.В. Щербы о языке:

«...Он иногда шаблонизирует нашу мысль, но дальше оказывается, что он же дает материал для преодоления этих форм, для движения вперед» [1. С. 12–13].

Представляется, что этим тезисом будущий исследователь вполне может руководствоваться при интерпретации собранного материала, поскольку выявленная трудность работы лингвиста парадоксально порождает и надежду на преодоление будто бы неизбежных, неизбывных препятствий.

Названия глав монографии отражают те аспекты исследования, которые характеризуют interoцептивное направление поиска: методологию и терминологический аппарат, когнитивное моделирование interoцептивных ощущений. Помимо проекций «тело – дом», «тело – компаньон» и др. здесь описываются перцептивные образы interoцепции: слуховые, тактильные, зрительные. Далее разрабатывается словарь interoцептивных ощущений с богатым веером их метафор и, наконец, исследуется синтаксирование при вербализации внутрителесных сигналов. Ср.: *Я есть тело и У меня есть тело*. В каждой главе автор опирается на солидный и подчас критический обзор литературы, например, по разведению терминологических понятий: *схема* тела и, что для лингвиста важнее, *образ* тела.

Прокомментируем некоторые послылы. В отношении методологии научного поиска — увы, не только для данного направления! — наступает пора возвращения лингвиста в лоно... лингвистики. Безусловно, interoцепция возникла и была осмыслена в медицине и психологии, философии и этнологии, однако продолжать уповать на междисциплинарный характер предмета исследования значит автоматически пренебрегать сугубо лингвистической оптикой. Обратим внимание, что в социуме практически не звучит: *Надо посоветоваться с лингвистами!* Если, конечно, не брать постановку ударения или какой-либо сбой в вправописании. Но согласимся, что и лингвисты в иде-

але, имея в запасе не самые известные контексты, должны знать, что *здесь и сейчас* следует сказать обществу. Из интероцептивных наблюдений это, например, афоризм В.А. Сухомлинского, занимавшегося с детьми, помимо учебы, физическим трудом, о том, что *здоровье вливается в тело, когда человек устал*. Или строка из воспоминаний Мариэтты Шагинян «Человек и время» о январских морозах: *И за окном было незаметно хорошей погоды, как для здорового человека незаметно здоровье*.

Философы продолжают активно осмысливать тело, тем более в свете современного вмешательства в архитектуру телесного. Так, О.В. Попова анализирует три подхода к изучению феномена телесности:

- 1) парадигму бытия (экзистенциальный подход к телу);
- 2) парадигму обладания (инструментальное, функциональное понимание телесности);
- 3) парадигму конструирования (тело как проект, артефакт технологий).

Последнее особенно актуально в связи с распространением биотехнологий [13].

Полагаем, что восприятие тела образца второго десятилетия XXI в. дает пищу и для сугубо лингвистических изысканий. Так, чисто лингвистический посыл, помимо афористики (мягких сентенций художественного и мемуарного толка), — это еще и изучение детской интероцепции, старческих (возрастных) внутрителесных переживаний. Стоп, полный назад! А что же средний возраст? Лингвистика среднего возраста (язык тридцати-, сорокалетних), по сути, образует вообще необозримое белое пятно, тем более в интерпретации событий «в собственном теле», которое остается тайной за семью печатями, пока не нагрянула болезнь или не подросла на службе обязательная диспансеризация. Необходим социуму и словарь метафор здорового тела, словарь ощущений (далеко не только негативных!) при беременности, при кормлении ребенка грудью. Наташа Ростова разговаривает с вернувшимся из поездки Пьером и вдруг произносит знаковое для любой рожавшей женщины слово: «Пришло!». А ведь это весьма точное ощущение прилива и напряжения внутри груди, когда можно снова покормить своего малыша.

Особую группу могут составить метафоры выздоровления – процесс, хорошо описанный И.А. Буниным.

Вернемся к монографии А.В. Нагорной. Исследователь подчеркивает, что художественные контексты были взяты не у всех авторов-англофонов, а только у современных, популярных, щедрых на интероцептивный анализ. Это С. Кинг, Д. Кунц, С. Кинселла, З. Кук. Но именно такой методологически не совсем привычный подход обусловил разработку интероцептивных идиолектов. Для русскоязычной культуры это тем более актуально. Современные писатели (совсем не обязательно первого ряда!) могут стать поставщиками столь весомого материала. *«И какие-то пульсирующие точки бегут от места укола по всему телу, удлинняя и расслаивая его в пространстве. Становится очень темно, очень горячо и очень тяжело.... Металлический зверь пожирает из меня ребенка. ... И потом длинный пепельный тоннель, и голоса, и там, где по памяти был живот, страшно холодно. А чуть ниже — страшно горячо. ...И очень хочется произнести какое-нибудь слово. Но горло еще не оттаяло»* (М. Арбатова. Аборт от нелюбимого).

По нашим наблюдениям, к писателям подобного рода относятся И. Грекова и М. Ганина, Нина Горланова и Людмила Шульц, Виктория Токарева и... ах, мужчины! Впрочем, у представителей противоположного гендера есть целые произведения, по которым можно проводить добротный интероцептивный анализ: «Раковый корпус» А.И. Солженицына, «Лавр» Е.Г. Водолазкина.

Продолжим комментарий. Когда применительно к отечественной почве мы планируем исследовать когнитивные модели интероцепции, или излюбленные метафоры, или синтаксические модели трансляции внутрителесных переживаний, то целесообразно опираться на приоритет языка, не только текста, т.е. постулировать полидискурсивный подход. Если междисциплинарный подход выше мы «слегка покусили», то на его место лингвист может поставить исследование феномена интероцепции в самых различных дискурсивных практиках. Помимо художественного, который

практически не изучен (упомянем еще и такого автора, как С.Н. Сергеев-Ценский!), это мемуарный дискурс, дневниковый, эпистолярный, разговорный, родословный, рекламный (развернутая реклама лекарств обычно начинается с выразительного описания недомоганий!), не говоря уже о научно-популярном дискурсе и сугубо медицинском. Например:

Разг.: [Лаборантка, 36 л.:] Я глаз травмировала. Покраснел, резь такая, опух полностью. Такое ощущение, что под веком какой-то рубец. Знаете, когда ранка – и кожа затягивается, и такой рубец <...> А то была эрозия роговицы. Боли, рези не было, но несколько натянуто – такое ощущение (22.04.2015).

[Женщина лет 70 знакомой по дороге на дачу:] А там лес рядом, змеи лазают. Надо в сапогах. Ноги потеют. Пока соберёшь, она мелкая. Спину ломит (03.07.2016).

[Женщина-психолог 60 л. по телефону:] То ноет, тяжесть такая в спине! А потом как ударит в копчик! А раньше у меня так болел седалищный нерв. Я ногу тащила. И я почувствовала этот нерв седалищный, бьет прямо! Это таблетки, которые из меня вытаскивают из закрытых остатков сил (смеется) (20.07.2016).

Много внимания телу уделяют дети.

Я здесь прямо как устала! (3 г. 10 м.). Когда болит голова – это болит череп! – Это мозг болит, а не череп! – Сначала мозг, потом заболевает череп, а после черепа заболевает голова (4 г. 3 м.). [Бьет по коленке:] Не боли! Когда-то что-то болит, я ударяю кулаком. Тогда не болит, а чешется (7 л. 2 м.).

Дети олицетворяют части тела, но и лингвисты для понимания природы телесного нередко прибегают к олицетворению, или антропоморфной метафоре.

«Да и с телом “в границах кожи” не всё так просто. Вот вы идете и поскользываетесь. Пока вы что-то успели сообразить, ваше тело без вашего контроля умудряется произвести необобразимый кульбит и восстановить равновесие. Кто-то получает сигнал об опасности... Таких “кто-то” может быть не один, а целая гроздь, навешанных на общий позвоночник, и среди них ваше осознаваемое “я” далеко не венчает всё сооружение, а помещается где-то на срединных этажах» [14. С. 145].

Особый интерес могут представлять дневниковые записи особенно из серии драматической медицины, когда врач, умирая, описывает собственные ощущения в динамике.

В любом случае интероцептивный материал завораживает, если только собран вручную весьма трудоемким способом в отличие от более легкого обращения к РНК или к известному словарю В.И. Даля в поисках соответствующих паремий и фразеологизмов. У современных младолингвистов (мы имеем в виду магистрантов, аспирантов, впрочем, и кандидатов наук) сложилась практика выписывания всего арсенала соответствующих теме при исследовании репрезентантов того или иного концепта пословиц, хотя, как показало проведенное нами исследование разговорной речи, значительная часть прекрасных старинных пословиц в живом общении давно уже не используется. *Боль врача ищет. Где красиво, там глаза, где больно – там рука.* Но мы отвлеклись.

Анализируя работы И.А. Бесковой и И.А. Герасимовой, автор монографии рассматривает интероцепцию, во-первых, как ретроспективный объект познания, во-вторых, как проявление *ego*-сознания [1. С. 74]. Полагаем, что здесь целесообразно прочертить еще две немаловажные проекции. В вышеприведенном перечне возможных дискурсивных практик должна присутствовать и внутренняя речь. То, что человек говорит в диалоге (*спину ломит, тяжесть такая в спине*), поначалу им было осмысленно во внутренней речи. К лексико-грамматическим характеристикам «внутреннего» языка Ю.В. Погребняк относит обрывающиеся фразы, повторы, вопросы, смешение стилей, звукоподражания и др. Постулируется, что на уровне интериоризованного дискурса воплощаются самые тонкие смысловые элементы, важные для психолингвистики, когнитивистики,

литературоведения [15]. Конечно, любой сигнал тела изнутри человек переживает в рамках, прежде всего, закрытого для нас интериоризованного дискурса. Однако, в отличие от тех признаков, которые перечисляет Ю.В. Погребняк, подобных особенностей ни в цитатах из художественных произведений, ни в репликах разговорной речи мы не наблюдаем. Наоборот, наблюдается парадокс: при отмеченной в целом общей бедности языка телесных сигналов эти сигналы, особенно по концептам БОЛЬ и БОЛЕЗНЬ, передаются отнюдь не двусмысленно.

Из больничного дискурса: [Под капельницей женщина 55 лет:] Я не знала, что у меня сахар. Стало печь ноги. Не дай Бог! Я дотронулась пальчиками до табуретки – тогда всё. И мужу кричу: не дотрагивайся! (24.11.2015).

[В коридоре женщина 74 л.:] У меня тромб в легочной артерии. Начинает повышаться давление. Такая боль! Я говорю дочке: вызывай скорую! Меня – сюда. Но пока все анализы... А капельницу поставили – легче стало... (26.11.2015).

Обратим внимание еще на одну вещь, о которой не говорится в монографии. Это современный феномен хроноцида, однако не в том плане, о котором пишет М.Н. Эпштейн, подчеркивая, вслед за другими философами, «поэтическую сторону прогресса» как открытие широчайшего веера возможностей. Хроноцидом, на наш взгляд, можно обозначить и пресловутое ускорение повседневного бытия, отказ от больших временных пространств, «экономия времени», «бешеные ритмы жизни». Не исключено, что быстрота жизни лишает человека осмысления массы положительных внутрителесных переживаний. Боль и болезнь несколько тормозят «ускорение», в этом их «позитив». Пустотность времени в больнице обеспечивает более подробное повествование о событиях внутри тела, тем более что слушающий тоже относится к категории страдальцев.

[В палате женщина 67 л. советует соседке 77 л.:] Чего вы? Не стесняйтесь! Чего ж мучаться будете! При полной больнице врачей! Цэ ж позор! Скажи, что у меня невралгия, сегодня весь день боль адская. – Давайте я пойду! – Да она быстрее сбегает, а то я боюсь: до обеда не вытерплю. Межреберная невралгия, стрелы прямо пронизывают, а нога – это сопутствующее... <...> Подействовал укол? – Подействовал. Там где-то в глубине отдается, а острой боли нет. Надо было раньше. А я терпела! – А чего ж терпеть? Это ж больница! – Да не хотела! У них и так много работы. Стеснительный я человек, это очень плохо! (27.11.2015).

[Под капельницей:] Когда сахар бушует – в организме всё рушит. Он всё рушит в организме. Сколько единиц вам дают? – 14. – Это немного. Мне 70 (28.11.2015).

[Женщина по сотовому в коридоре:] Это вот плохо! Боль в горле. Глаза прямо пылают! Это, знаешь, у меня такое состояние: голова прямо лопается. Да ела я нормально, я не отказываюсь, таблетки я регулярно пила (29.11.2015).

Опять опровергнем вышесказанное. Нарботки филологии должны быть востребованы социумом, кто бы спорил? Однако есть и закрытые темы, как например, изучение «кайфа» при приеме наркотиков или при употреблении алкоголя. Популяризировать подобные откровения-описания нецелесообразно по этическим, если не сказать гражданственным позициям.

Исследователи интероцептивных ощущений обычно подчеркивают их фрактальный характер, зыбкость границ.

Из эпистолярного жанра: «Про Анечку задавали тебе вопрос. У нее еще нет решения. Что-то делается, но я мало что знаю, боюсь, что лишние вопросы болезненны» (04.06.2016).

Из фольклора о традиционной лексике застолья: Первая (рюмка) – колом, вторая – соколом, а дальше – мелкими пташечками.

Эти два метафорических примера демонстрируют, что интероцепция прорывается и там, где мы, лингвисты, ее никак не ожидаем, почему такое направление исследований открывает новую оптику в подходе к материалу.

Интуитивно узнаваемая интероцепция с ее ненаблюдаемостью и неконтролируемостью может стать изысканным приемом создания комического эффекта, хотя в списках таких приемов она не значится: Фазиль Искандер в своих заметках «Понемногу о многом» упоминает о романе, который начинался эпической фразой: «У оленя болела голова». Вспоминается афоризм: «Еда — это самое интимное общение человека с окружающей средой». «Слава обнял меня: “От холода люди придумали жилища. А от соседей — тело Бог дал. Внутри-то нет соседей — в душе!”» (Н. Горланова. Нельзя. Можно. Нельзя: Роман-монолог).

Известно, как фразеология помогает выразить чувства и эмоции, особенно негативные. Насколько этот тезис применим к интероцепции? Обратим внимание на исследование А.С. Денисовой «Фразеологизмы, обозначающие чувство голода во французском языке: структурный аспект» [16].

Кстати, о сытости. Приятное интероцептивное переживание может проецироваться и на внешние действия. Высокое творчество мучительно, и не случайно Людвиг Ван Бетховен эпитафией к третьей части одной из симфоний поставил признание: «Прежде чем начать работать, должен вкусно поесть». И наоборот, позитивные внешние действия облагораживают и интероцепцию. Так, юные полугодовалые героини детского бестселлера Френсис Бернетт «Маленькая принцесса (Приключения Сары Кру)» с удивлением обнаружили, что смех... сытен! Из записей детской речи. Бабушка внуку: *Покормить тебя или сам поешь?* — Смущенно в ответ: *Покорми! Мне теплее, когда ты меня кормишь.*

Перспективы разработки заявленного направления и прогнозы возможной его востребованности социумом (актуальности завтрашнего дня!) видятся нам в следующем.

С одной стороны, внутрителесная лингвистика, направленная на некоторую коррекцию «коллективного бессознательного», а именно на увеличение удельного веса заботы о собственном теле, здоровье, долголетию в повседневной практике носителей русского языка и русскоязычной культуры, хорошо впишется в общефилологическую мессидж. Это как раз тот нечастый случай в системах исследований, когда прикладные перспективы фундаментального направления не окажутся вымученно-формальными. М.Н. Эпштейн в одной из своих статей выразил мечту, чтобы языкознание стало еще и... языководством [17]. Языкознание и может, и должно непосредственно влиять на повседневную культуру, на «здесь и сейчас» общественной жизни.

Однако с другой стороны, это как раз и тот (тоже нечастый!) случай, когда исследование «заставляет» напрягаться и развиваться саму языковую ткань самого предмета исследования по известному афоризму: «Наблюдаемое уже не такое, каким было до наблюдения». Некоторые примеры, касающиеся телесных переживаний *ego* «внутри себя», могут претендовать, во-первых, на лексикографическую прописку, а во-вторых, на сбор аналогичных признаний. И, таким образом, в конечном счете они могут способствовать пополнению общенационального лексикона. Представляется, что русский язык на порядок богаче того образа, который гнездится в сознании и рядового говорящего, и продвинутой когорты писателей, исследователей, и внутрителесная лингвистика может сработать на обогащение этого национально и социально значимого образа.

А.В. Нагорная, в свою очередь, прочерчивает некоторые иные перспективы разработки интероцептивного направления: сравнительно-сопоставительное, диахроническое и переводоведческое.

Заключение

Как видим, вопрос о новизне интероцептивной лингвистики слегка провисает. Исследования ведутся, честь и хвала лингвистам, работающим в этом сложнейшем направлении научного поиска. Однако своими заметками мы пытались показать, как много еще новых проекций таит в себе чисто лингвистическое внимание к внутрителесным событиям, сигналам, ощущениям (кстати, эти моменты тоже можно развести и исследовать по отдельности).

Литература

1. Нагорная А.В. Дискурс невыразимого. Вербалика внутрителесных ощущений. – М. ЛЕНАНД, 2014. — 316 с.
2. Нагорная А.В. Вербальная репрезентация интероцептивных ощущений в современном английском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2015.
3. Харченко В.К. Внутрителесная лингвистика и русскоязычные дискурсивные практики // Научные ведомости БелГУ. Гуманитарные науки. — 2015. — № 12 (209). — Вып. 26. Июнь. — С. 68–75.
4. Харченко В.К. Интероцепция в больничном дискурсе // Научные ведомости БелГУ. Гуманитарные науки. — 2016. — № 7 (228). — Вып. 29. — С. 44–50.
5. Харченко В.К. Интероцепция в детской речи / Проблемы онтолингвистики – 2016: Материалы международной научн. конф. (Спб., 2–3 марта 2016). — Иваново: ЛИСТОС, 2016. — С. 89–96.
6. Харченко В.К. Рецензия: Нагорная А.В. Дискурс невыразимого. Вербалика внутрителесных ощущений // *Philologos*. — Елец, 2015. — Вып. 3 (26). — С. 100–103.
7. Раренко М.Б. Концептуализация боли в языке на примере английской лингвокультуры / Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании. — М.: ИНИОН РАН, 2015. — С. 112–115.
8. Бонч-Осмоловская А.А., Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Концептуализация боли в русском языке: типологическая перспектива: Труды международной конференции «Диалог 2007». — М., 2007. — С. 76–82.
9. Хлупина М.А. Особенности языковой личности С.Д. Довлатова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2014.
10. Нестерова О.А. Психолингвистические и лингвокогнитивный анализ языковой личности (на примере публицистического дискурса В.П. Астафьева). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2015. — 24 с.
11. Романова М.С. А. Тарковский как языковая личность: способы репрезентации в поэтическом тексте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2015. — 171 с.
12. Тарасова С. «У меня опять 37 и 5°» // *Знание – сила*. — 1997. — № 12. — С. 88–89.
13. Попова О.В. «Быть телом» или «иметь тело», «быть проектом» или «иметь проект» // *Электронный журнал «NB»: Культуры и искусства*, 2014. № 1. URL: www.e-notabene.ru/ca/article_10961.html
14. Князева Е., Туробов А. Познающее тело. Новые подходы в эпистемологии // *Новый мир*. — 2002. — № 11. — С. 136–154.
15. Погребняк Ю.В. Характеристики интериоризированного дискурса. — Волгоград: Перемена, 2013. — 262 с.

References

1. Nagornaya, A.V. Discurs of nevirazimogo: verbalica vnuritellesnih oshchushcheniy. Moscow: LENAND, 2014, 316 p.
2. Nagornaya, A.V. Verbalnaya reprezentatsiya interoceptivnih oshchushcheniy v sovremennom angliyskom yazyke. Author's abstr. diss. (Dr.sci. in Philol.). Moscow, 2015.
3. Kharchenko, V.K. Interacorporal language i russian language discourses practics. *Nauchmye vedomosti. Humanitarnue nauki*, 2015, no. 12 (209), iss. 26, June, pp. 68–75.
4. Kharchenko, V.K. Interoception v bolnichnom discourse. *Nauchnye vedomosti. Humanitarnue nauki*, 2016, no. 7 (228), iss. 29, pp. 44–50.
5. Kharchenko, V.K. Interoception v detskoj rechi. In: *Materialu mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Problemu ontolingvistic – 2016"*. St. Petersburg, 23–26 march, 2016. Ivanov: LISTOS, 2016, pp. 89–96.
6. Kharchenko, V.K. Retenziya: Nagornaya A.V. Discurs of nevirazimogo: verbalica vnuritellesnih oshchushcheniy. *Philologos*, 2015. Iss. 3, pp. 100–103.
7. Rarenko, M.B. Konceptualizatsiya boli v yazuke na primere angliyskoj lingvoculturu. In: *Chelovek oshchushchayushchiy: Perceptsia v sovremennom humanitarnom znanii*. Moscow: INION RAN, 2015, pp. 112–115.
8. Bonch-Osmolovskaya, A.A., Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I. Konceptualizatsiya boli v russian yazyke: tipologicheskaya perspectiva. In: *Trudu mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog – 2007"*. Moscow, 2007, pp. 76–82.
9. Khlupina, M.A. Osobennosti yazykovoi lichnosti S.D. Dovatova: Author's abstr. diss. (Cand.sci. in Philol.). Moscow, 2014.
10. Nesterova, O.A. Psycholinguisticheskiy i lingvocognitivniy analiz yazykovoi lichnosti (on material of publicities discourse V.P. Astaphiev). Author's abstr. diss. (Cand.sci. in Philol.). Nizhnyy Novgorod, 2015, 24 p.
11. Romanova, M.S. A. Tarkovskiy kak yazykovaya lichnost': methodu representation in poeticheskom texte: Author's abstr. diss. (Cand.sci. in Philol.). Pyatigorsk, 2015.
12. Tarasova, S. "U men'a opyat' 37 i 5°". *Znanie – sila*, 1997, no. 12, pp. 88–89.
13. Popova, O.V. "But' telom" ili "imet' telo", "but' projectom" ili "imet' project". *Electronnyy jurnal «NB»: Culturu i iskustva*, 2014, no. 1. URL: www.e-notabene.ru/ca/article_10961.html
14. Knyazeva, E., Turobov, A. Poznayuschee telo: novuy podhodu v epistemologii. *Novuy mir*, 2002, no. 11, pp. 136–154.
15. Pogrebnyak, Yu.V. Kharacteristici interiorizirovannogo discursa. Volgograd: Peremena, 2013, 262 p.

16. Денисова А.С. Фразеологизмы, обозначающие чувство голода во французском языке: структурный аспект / Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании. — М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2015. — С. 30–33.

17. Эпштейн М.Н. Проективная теория в естественных и гуманитарных науках // Знание – сила. — 2012. — № 4. — С. 55–62.

16. Denisova, A.S. Phrazeologizmu, oboznachayushchie chuvstvo goloda vo frantsuzskom yazyke: strukturnyi aspekt. In: Chelovek oshchushchayushchii: Perceptsia v sovremennom humanitarnom znanii. Moscow: INION RAN, 2015, pp. 30–33.

17. Epshtein, M.N. Projectiv teoria v estestvennuh i humanitarnuh naukah. *Znanie – sila*, 2012, no. 4, pp. 55–62.

Харченко Вера Константиновна,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой филологии
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Kharchenko Vera K.,
Doctor Sci. in Philology, Professor,
Head of the Department of the Philology
Belgorod State National Research University

e-mail: wera_kharchenko@mail.ru

